

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН МЗРЕУЛОВ
БИТВА
С НЕПОЗНАВАЕМОЙ

Книги Константина Мзареулова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ
ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ-2
КОЗЫРНОЙ КОРОЛЬ
ДЕМОНЫ ГРААЛЯ
ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ УСЛУГИ
КЛЫКИ ВСЕЛЕННОЙ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПОЛНОЧЬ
КАПИТАН БАГРОВОЙ ТЬМЫ
ЗАЧАРОВАННЫЙ МИР
СКУПЫЕ ЗВЕЗДЫ
БИТВА С НЕПОЗНАВАЕМОЙ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН МЗРЕУЛОВ

БИТВА
С НЕПОЗНАВАЕМОЙ

РОМАН

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

Пожар потушили сразу, реактор удалось заглушить, но многие кубометры неведомой дряни пролились из треснувших топливных баков, аккумуляторов, гидравлических трубок и других устройств погибшего транспортера. Теперь внутри искаленной машины стоял тяжелый запах гари, расплавленных пластиков и всевозможной химии, включая свернувшуюся пламегасительную пену. Тем не менее выжившие солдаты 11-го батальона предпочитали ночевать в многократно продырявленном корпусе «Носорога», задраивая помятые люки и сменяя караульных каждые два часа.

Афанасию Машукевичу выпало стоять на посту в самое поганое время, перед рассветом — на флоте сказали бы: собачья вахта. Стойко сдерживая натиск сонливости, сержант бродил по сложной трассе мимо почти отломившейся кормы гиперлета, мимо окопа, в котором столько дней провел в обнимку с прикладом «дырокола», мимо холма над могилой трех дюжин ребят, которых схоронили в коротком передыхе между боями, мимо разбитых обугленных БМП, мимо сорванной башни вражеского танка, мимо расплавленных объемным взрывом роботов.

Ходить было не обязательно — сенсоры все равно сообщат о появлении чужаков, но парень знал наверняка: если присядет, то мгновенно заснет. Потому-то выбирал Афанасий длинные заковыристые маршруты и плескал в лицо холодной водой из родников — на случай, коли прячутся в лесу недобитые десантники. Задремлешь, а те подкрадутся — и клешней по горлу. Видали, как ихний спецназ умеет... Мотнув головой, сержант хлебнул из фляги слабенького кофе и продолжил обходить периметр лагеря, дергаясь от каждого шуршания веток.

До рассвета оставалось чуть, враги не подавали признаков жизни, ветки шевелились только от ветра. Местное зверье на берег не совалось — небось распугано вусмерть многодневной пальбой. Когда Машукевич добрался до каменной выемки, где они с напарником оборудовали запасную позицию, загорелся костер на дальней косе бухты. Аборигены готовились к ежедневному ритуалу, который начнется на рассвете. Ночью со своими факелами больше не плясали — уразумели, значит, что в темноте небесные пришельцы стреляют во все, что движется, светится и звук издает.

Звук возник внезапно. Машинально вскинув оружие, Афанасий дико завертел головой, вглядываясь в непроглядную темень безлунной ночи. Однако ни лицевой щиток шлема, обеспечивающий кое-какую ночную видимость, ни наплечный сканер не показывали поблизости ничего, кроме дикого пейзажа. Спустя секунды, глубоко вздохнув и успокоив нервы новым глотком кофейных помоев, сержант сообразил, что подозрительные шорохи доносятся из наушников. Проще говоря, где-то неподалеку работает радиостанция на частоте армейского диапазона.

Тут, как по заказу, и краешек горизонта осветился. Совсем приободрившись, Афанасий вслушивался в бормотание мембраны и наконец разобрал человеческий голос. Выговор безошибочно выдавал земляка с Калиюги.

— Да отзовитесь же, мать вашу! Есть здесь кто-нибудь или мы напрасно по системе мотаемся?

— А какого рожна ты здесь ищешь? — сварливо ляпнул Афанасий, отвыкший от дисциплины за долгие недели робинзонства. — Кто ты? Назовись.

Голос из наушников продолжал монотонно материться, призывая откликнуться. Машукевич еще пару раз крикнул: мол, здесь мы, на берегу, потом сообразил, что собеседник его просто не слышит. Наверное, мощности личной рации не хватало. Передатчик на «Носороге» был куда мощнее, на самых больших дальностях работал, но отсек связи разнесло прямым попаданием еще в первом бою. Сержант с сомнением посмотрел на силуэты «Волков», очерченные лучами встававшей звезды. Наверняка на каком-нибудь радио еще работает, но хрен его знает, как питание подать: моторы-то не запускаются. Эх, надо было сразу навалиться и отремонтировать хоть одну машину!

Неожиданно Машукевич услышал радостный вопль:

— Слышу тебя, братуха! Где ты? Сколько вас? Какая часть?

— Да откуда мне знать, где я, — заорал в ответ Афанасий. — Машины разбиты, людей два десятка осталось и столько же раненых. Сидим без связи возле бухты.

Вероятно, связь опять пропала. Во всяком случае, голос в наушниках повторял все те же вопросы. Потом неизвестный землянин замолчал, и послышался другой голос — судя по акценту, в разговор включился уроженец планеты Сольдо.

— Отставить, ефрейтор. С кем вы разговариваете?

— Не могу знать, лейтенант. Тормоз какой-то, на вопросы через пять минут отвечает.

— Сам ты тормоз, — флегматично сообщил лейтенант. — Раз отвечает с опозданием — значит, он не на этом астероиде, а где-то далеко, на расстоянии нескольких световых минут. Чему тебя в учебке дрессировали, связист хренов?

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ... Виноват...

Поняв причину перебоев связи, Машукевич успокоился и доложил, что остатки 11-го батальона 353-й дивизии находятся не на астероиде, а на безымянной планете с пригодными для жизни природными условиями. Прошло немало времени, прежде чем радиоволны добрались до неизвестного корабля, но потом Афанасия все-таки услышали, и лейтенант ответил: мол, сейчас будем.

Едва закончился сеанс связи, с лязгом и скрежетом распахнулся люк «Носорога». Из машины выбрались заспанные Рыжий Шнобель и двое рядовых. Узнав, что Машукевич разговаривал с летящими на выручку людьми, все сначала потеряли голову от восторга, но вдруг фельдфебеля посетила мудрая мысль: типа, а вдруг это враги по-нашему разговаривают — ищут уцелевших землян?

Когда спасательный отряд опять вышел на связь, Рыжий Шнобель сам вел переговоры, требуя доказательств, что к нему обращаются именно люди, а не вражеские толмачи. Сказкам про 5-й батальон 480-й дивизии ветеран верить отказывался. Координат лагеря он по-любому назвать не смог бы, потому как этот секрет умер вместе с последним офицером на третий день после высадки. В конце концов лейтенант-сольданец, посмеиваясь, резюмировал:

— Все понятно, мужик. Ты — фельдфебель.

— А как это вы догадались? — опешил Рыжий Шнобель.

— Сообразительный слишком. В общем, мы вас запеленговали. Скоро будем.

Гордый фельдфебель рявкнул:

— Слыхали? Даже лейтенант сопливый понял, кто здесь умный.

Новость молниеносно облетела все отсеки транспортера. Братва высыпала из-под брони быстрее, чем на построении по тревоге. Афанасий подумал вслух: дескать, надо бы вытащить барахло, чтобы поскорее грузиться на спасательный корабль. Рыжий обозвал его «молотком», но потом приказал отставить и подготовить к эвакуации раненых. Сержант Машукевич поглядел на фельдфебеля с некоторым подобием уважения: сам он про лазарет не подумал.

Ожидание затягивалось. Через полчаса братву охватил склочный ропот. Грозно взревев, исполняющий обязанности командира построил ходячих, назначил наряд на камбуз, выслал патрульные пары вправо и влево от машины, а Машукевичу приказал занять позицию с «дыроколом» — на случай, если все-таки прилетят враги. Остальным он поручил накормить раненых, а потом жрать самим и быть начеку.

«Дырокол» оставался на месте — задранный ствол торчал из окопа как стебель диковинного цветка с бутоном эжектора-пламегасителя на конце. Афанасий с Олафом Янзеном привычно заняли позицию, запустили прицел в режим пассивного поиска и вскрыли консервные банки. Тушеные бобы с символической добавкой свинины осточертели, но соленая рыба надоела сильнее. Как, впрочем, и вегетарианские подношения туземцев.

Уныло ковыряя ложкой, Олаф посетовал:

— Последняя батарея. Через пару дней она тоже подсядет.

— Будем стрелять на глазок, — равнодушно буркнул Афанасий. — Головка сама на цель наведет.

— Без подсветки дальность захвата втрое меньше.

— Сам знаю... — Машукевич отшвырнул подальше пустую банку. — Я уж думал подключиться к солнечной батарее — хоть какое-то напряжение.

— Хитро придумал, — напарник восхищенно покачал башкой. — Если не прилетят — так и сделаем.

— Типун тебе в задний проход! — разозлился Афанасий. — Прилетят!

В небе со знакомым грохотом описал вираж «Носорог». Прочертив элегантную спираль, громадная машина снизилась над пляжем и медленно опустилась на опорные «лапти». На пляже сразу сделалось многолюдно. Пехота весело высаживалась через бортовые шлюзы, верхние ворота выбросили несколько БМП. «Волки» неторопливо разлетелись на патрулирование.

Дежурство в окопе потеряло смысл: невооруженным глазом было видно, что пришли свои. Бросив ненужную машинку, сержант и ефрейтор поспешили к транспортеру. Прибывшие уже переносили раненых в лазарет «Носорога», угощали здоровых пивом и куревом. Афанасия и Олафа окружили солдаты с нашивками 480-й дивизии на мундирах. Наперебой спрашивали: как давно, мол, тут сидите, как воевали, сколько гадов положили.

Потом появились два лейтенанта — пехотинец и флотский, приказавшие отставить шум. Пехотный офицер проговорил улыбаясь:

— Ловко вы спрятались. Даже в штабе вашей дивизии никто не знал толком, где ваш батальон.

— Настоящее чудо, что вас нашли, — подтвердил немолодой сержант. — Просто для проформы систему прочесали.

Лейтенант из экипажа транспортера возразил:

— Тот полковник из штаба корпуса точно сказал, что здесь они, больше нигде. Правда, братишки, не надеялись живыми вас обнаружить.

— В башке не укладывается, за каким дьяволом ваш батальон сюда бросили, — признался лейтенант-пехотинец. — Я бы понял, если бы южнее, — там большой город. Но здесь, на голом пустыре... Какую задачу вам поставили?

Пожав плечами, благо приказа «смирно» никто не отдавал, Афанасий допил банку и пробормотал:

— Не могу знать. Задачу офицеры знали, но всех в первые дни положили. Нам сказали только, что надо держать позицию. Вот и держали.

Прибывшие подтвердили, что держалась братва как надо. По словам бойцов 5-го батальона 480-й дивизии, сверху хорошо видать разбросанные на километры вокруг обломки вражеских машин. Как прикинули офицеры, в атаках на горстку героев 353-й дивизии противник угробил не меньше двух батальонов.

— Это только там. — Олаф махнул рукой на холмы. — Остальные на дне бухты. Они в первые дни со стороны суши лезли. С дальних-то холмов нас выбили, всю вторую роту перемололи, но мы здесь удержались, даже в контратаку ходили, отбросили их за речку. Тогда они со стороны моря пошли — пехота с танками. Это самые страшные дни были. Сами видите, сколько нас осталось. Еще одна атака — и каюк бы всем. Только повезло нам: они вдруг ушли.

— Про вас видео снимать надо. — Флотский лейтенант покачал головой. — Хотя, скажем прямо, наш батальон тоже не в санаторий посылали.

Он поведал, что 5-й батальон несколько дней держался на астероиде в системе тройной звезды. Они отбили несколько тяжелых атак, потеряв до четверти личного состава и техники. И вот когда противник стянул против них целую танковую бригаду, вдруг появились наши корабли и тяжелыми пушками покрошили перцев, суликов, рагвенгов и всех, кто там был.

По этому поводу бывалый сержант нецензурно выразился: дескать, их использовали как блесну, чтобы подманить побольше врагов. Рядовой состав одобрительно закивал, однако офицеры потребовали прекратить обсуждение мудрых приказов командования. Они расспросили Машукевича и Янзена, посчитали что-то на своих видеофонах и объявили, что теперь все понятно. Атаки на этом участке внезапно прекратились, потому что противнику пришлось перебросить все силы в тройную систему — на верную гибель.

— По этому поводу выпить надо, — мгновенно сориентировался Афанасий. — А то волюют нас послезавтра в другую часть и снова в мясорубку кинут.

Офицеры заверили, что в мясорубку кинут не скоро, потому как война вроде бы заканчивается. Ходят слухи, что Кордо Ваглайч то ли застрелился, то ли убит в бою, Кьелтарогга готов капитулировать, а Земля уже предложила созвать мирную конференцию.

Тут подошел обладатель свирепого лица и капитанских погон. Рядовые 5-го батальона поспешно и незаметно рассосались — наверное, капитан был крутым командиром. Афанасий тоже бы ушел, но хотел поинтересоваться, куда их пошлют, а вопрос задать не мог, потому как офицеры затеяли оживленную дискуссию о недавних событиях на планете. Когда заговорили про подбитый транспорт, упавший в сотне миль к се-

ро-востоку, сержант, не сдержавшись, попросил разрешения доложить.

— Это майор, наш комбат, в первый день «близняшками» засадил, — сообщил он. — Мы только вошли в атмосферу, а тут по громкой связи крики: мол, десантный транспорт прет прямо на планету. А потом голос командира, что целится и стреляет.

Все посмотрели на подбитый «Носорог» батальона 353/11 — закрепленная на крыше кассета снарядов ближнего боя была пуста.

— Считай, еще минус один батальон. — Свирепый капитан одобрительно поднял большой палец. — Эти парни отлично поработали. Сколько битой техники за холмами раскидано. Республиканские машины, имперские, даже ломские обломки узнать можно. Это же сколько разных тварей на вас набросилось?

Вопрос застал противотанковый расчет врасплах. Афанасий с Олафом растерянно переглянулись, обменялись вполголоса мнениями, после чего нестройно заверили, что воевали против них только членистоногие. Там вот, на севере, между холмами и речкой, много такой живности лазерами да металлом покромсано, небось не всех местное зверье трупоедское пожрать успело.

Лейтенант-пехотинец подтвердил, что разглядел панцири больших ракообразных — такие живут на окраине Седьмой Республики, в Мрагвенде и еще в трех странах. На уточняющие расспросы сержант с ефрейтором ответить не смогли — ни тот, ни другой не разбирались в инопланетных расах. Был приказ держать рубеж — вот они рубеж и держали, стреляя во всех, кто атаковал.

— Вообще, загадочные дела в последние две недели творились, — не без недоумения произнес летун. — Я так и не понял, кто атаковал нас на астероидах. И членистоногие были там, и псевдогумы, и рептилии...

— Крыс вроде бы не было. — Капитан задумался. — Птичек и насекомых этими вот руками стрелял...

— Не нашего ума дело, — хмуро высказался пехотный лейтенант. — Правильно пацан сказал: приказали бить врага — и мы приказ выполнили. Мало ли каких наемников рагвены с импами набрали и бросили на этот участок.

Задумчиво поглядев на него, капитан проговорил, понизив голос:

— Тут загадки давно начались. Помните того майора из штаба фронта, который фактически руководил всеми операциями? Так вот — ни хрена он не штабной. При мне два полковника в штабе корпуса говорили, сам слышал: сражением в этом секторе управляли умные головы из фронтовой разведки.

Надо же, успел подумать Афанасий. Но так и не успел задать своего заветного вопроса: прозвучал сигнал общего сбора. Немолодой подполковник построил две дюжины уцелевших бойцов 11-го батальона, назвал чудо-богатырями, объявил благодарность, помянул павших смертью храбрых. Затем объявил, что сможет принять на борт лишь раненых, а здоровым придется на несколько дней задержаться на этой планете.

— Отдыхайте, парни, командование разрешает, — сказал подполковник. — Завтра-послезавтра сюда прибудет отряд трофейной службы вашей дивизии. Поможете им собрать всю технику, какая тут осталась. Заодно пришлют маршевое пополнение, командира. Не возить же вас за триста парсек в сборный пункт. Прямо здесь, на месте, сколотят новое подразделение на вашей основе.

«Носорог» действительно скоро взлетел, оставив на пляже ошеломленных солдат и гору снаряжения, в том числе — по ящику мясных и рыбных консервов. Осмотрев братскую помощь 480-й дивизии, Рыжий Шнобель умело выmaterился, после чего начал грязно ругаться. Однако делать было нечего, поэтому фельдфебель распределил среди личного состава боеприпасы, индивидуальные аптечки и аккумуляторные батареи. Народ дружно потребовал выдать на обед мясо.

— Само собой. — Рыжий не собирался спорить. — Сержант Машукевич, кто врал, что может собрать самогонный аппарат?

— Ну? — насторожился Афанасий.

— Собирай, — приказал фельдфебель. — Фрукты сами плывут. Наварим пару ведер и отметим конец войны.

Разумную идею братва встретила положенными выкриками. В этот самый миг закричала музыка, и все повернулись к морю, где начиналось ежедневное шоу.

Из-за косы, окружавшей бухточку слева, чинно выплывали лодки и плоты. Как и в прежние дни, на самом большом сооружении горела жаровня, вокруг которой дергался в конвульсиях

хмырь, разукрашенный цветастыми татуировками, перьями, сплетенными цветами и чем-то вроде звериных хвостов.

Смысл этого представления был не вполне понятен. Люди предполагали, что шаманы окрестных племен совершают какой-то магический обряд — то ли задабривают небесных богов из 11-го батальона, то ли просят вредных демонов изничтожить или хотя бы прогнать пришельцев. Скорее всего, туземцы не питали к людям злых эмоций, потому что после музыкального приветствия подносили большую корзину кислых и сладких плодов. Впрочем, женщин бойцам земной армии ни разу не предложили, то есть добрые чувства дикарей ограничивались элементарной физиологией, но не затрагивали высокой духовной сферы.

С неделю назад, на второй день концерта местной самодеятельности, солист вызвал бурный восторг личного состава, когда, поскользнувшись на плоту, шлепнулся в море. Изголодавшиеся по красивым зрелищам солдаты долго хохотали и кричали: «Бис», — но шаман не понял намека и больше за борт не падал. Разочарованные пехотинцы быстро теряли интерес к однообразным выступлениям аборигенских исполнителей, но концерты все-таки смотрели. Во-первых, других развлечений все равно не предвиделось. Во-вторых, привыкли к фруктам и орехам, хоть как-то разнообразившим скудный рацион сухого пайка.

Сегодня артисты разошлись не на шутку. Лодок собралось вдвое-втрое больше обычного количества, шаманы бесновались аж на четырех плотках, а не на одном, как бывало в прежние дни. Пламя из горелок хлестало выше человеческого роста, музыканты остервенело молотили в барабаны, дергали струны и дули в громадные трубы. Мелодия, конечно, получалась ужасающая — примерно так же звучали предсмертные стоны поврежденного турбореактивного движка. Размалеванные растительными соками аборигены тоже не относились к разряду эстетического совершенства. Тем не менее бойцы мужественно терпели. И дождались.

Плавсредства коснулись отмели. Воюще-барабанящая толпа, не прекращая танцевальных телодвижений, схлынула на пляж и, кружась завихрениями, приблизилась к людям. Музыка злобных демонов затихла нестройно, в тишине робко прогудели запоздалые трубачи да пару раз простучал барабан. Настал блаженный миг безмолвия, и здоровенные гуманоиды сложи-

ли перед солдатами корзины. На сей раз незнакомые с гигиеной дети природы натаскали неслыханную прорву даров — тут были не только фрукты, но и корзина с громадными рыбинами, и какие-то изделия из цветного камня, и обточенные в форме божков-идолов куски дерева.

Немолодых лет вождь или шаман — в прежние дни люди его вроде бы не видели — с воплем воткнул в песок каменный топор, выполнил серию прыжков с поворотом вокруг собственной оси, после чего, запыхавшись, опустился на колени. Остальные последовали его примеру и тихонько завывали, потрясая безоружными руками. За музыкальные инструменты никто, к счастью, больше не брался. Коленопреклоненный патриарх забубнил что-то на своей фене, тыча пальцами то в сторону солдат, то в небо, то в изуродованный корпус «Носорога». Толпа заунывно подвывала, периодически касаясь лбами песка.

Парень из 3-й роты, призванный в армию с какого-то курса университета на Калиюге и прозванный Шарохлопом, сказал неуверенно:

— Кажется, они боялись, что боги бросят аборигенов и вернуться на небо. Но небесный корабль улетел, а мы остались.

— И что потом? — насторожился фельдфебель. — Это радует их или огорчает?

— Хрен их знает. — Шарохлоп пожал плечами. — Я всего-то несколько слов этого народа запомнил.

Церемония затянулась, но в конце концов аборигены вернулись на плоты и лодки. Вновь загремела отвратительная пародия на музыку, но теперь исполнители не проявляли прежнего рвения, к тому же уродливые звуки вскоре затихли вдали.

Личный состав уже разводил костер, умельцы потрошили рыбу, а знатоки рассуждали — зажарить этих торпед на огне или обмазать глиной и запечь в углях. Крикнув, чтобы не забыли посолить, Афанасий выбрал цитрус помягче и пошел монтировать перегонный механизм. Пришлось повозиться, но к вечеру все были хорошие, остатки же сивушной жидкости разлили по тщательно вымытым канистрам.

— Разбери аппарат, — нетвердым голосом предупредил Рыжий Шнобель. — Завтра могут офицеры прилететь.

Машукевич просто кивнул — отвечать было лень. Скинув броню, мундир и сапоги, он окунулся в теплую воду, понырял, поплавал, поплескался и вернулся на песок. Под пьяную балду почему-то вспомнился утренний разговор — дескать, непонят-

но, с кем тут земляне сражались и вообще зачем оказались в этой системе. Сержант зевнул и вяло подумал, что кому надо, те знают ответы на все вопросы, а разные непонятности когда-нибудь в кино покажут.

Двадцатилетний парень даже не старался бороться с одолевающей сонливостью. Просто валялся, облокотившись на броню подбитой машины, и смотрел в море, где на лазурном зеркале неторопливо катились ровные шеренги волн. Вдали от берега стихия малость разгулялась, и колебательные движения водной массы швыряли какую-то парусную лоханку.

Глава 1 АБОРДАЖ

Верный глаз опытного моряка еще с вечера подсказал, что сегодня разразится шторм: слишком уж багровым выдался закат. Однако ранним утром ветер только начинал набирать силу. Нарастающее дыхание языческого божества Борея все мощнее наполняло паруса трехмачтового корабля, борта которого украшали сдвоенные линии орудийных портов и вычурная надпись «Sao Rafael». Форштвень, украшенный резной фигурой грудастой сеньориты, непреклонно резал рябое от мелких волн Средиземное море.

Комендоры дежурили возле заряженных пушек, на верхней палубе ждали мушкетеры в кирасах и шлемах. Все взгляды были устремлены в бескрайний голубой простор, постепенно принимавший свинцовый оттенок. Между тем в капитанской каюте второй час — от самого завтрака — продолжался военный совет.

Старый морской волк капитан Гомеш Оливейра медленно цедил крепленое порто и слушал байки хитроумного посланца святой инквизиции. Все офицеры побывали во многих опасных переделках и повидали разные края, но сеньор Фернандо, похоже, объездил весь мир от дебрей Амазонки до гиблых китайских пустынь.

Удивленно покачивая шевелюрой с проседью, капитан не без труда нашел среди пустых бутылок одну непочатую, выбил пробку и пробормотал — глубокомысленно и многозначительно:

— Нет ничего похожего, везде все по-разному... Вот, к примеру, собаки в злобе поджимают хвост, а коты — наоборот, поднимают трубой. И только выпивка во всех странах одинакова.

— Не скажите, дон Гомеш, — мягко возразил инквизитор. — Некоторые народы научились гнать пойло покрепче

рома. Наверняка вы слышали про французский коньяк и британский джин.

Офицеры закивали — они слышали и даже пробовали эти напитки. Кротко улыбаясь из-под капюшона, Фернандо поведал о прозрачном чуде, которое довелось ему отведать при дворе московитского цезаря Большого Питера. От приятной для всех темы он непринужденно перешел к оружию, для производства которого московиты построили большие мастерские, отлили много пушек и готовятся взять реванш у свейского конунга Карла.

— Пушки — не главное, — свирепо прорычал покрытый шрамами лейтенант Алвару, командир абордажной команды. — Главное начинается, когда мы бросаемся в рукопашный бой. И я должен признаться, что мало встречал таких замечательных клинков, как ваш. Я бы сказал, что это — настоящий толедский кортелас, но меня смущает клинок из Дамаска.

Все выпили и согласились, что дьявол научил нехристей ковать сталь, покрытую волнистым узором и способную рубить любой другой металл. Кто-то припомнил, как в старину рыцари-крестоносцы покупали такие клинки на вес золота, потому что сталь из Дамаска режет стальную броню как буханку хлеба. Снисходительно отмахнувшись, инквизитор ответил все тем же приветливым голосом:

— Забудьте глупые легенды, в Дамаске нет оружейных мастерских. Я не нашел там ни кузниц, ни плавильных печей, а только громадный базар, где продаются невольники, пряности, одежда и оружие. Название металла происходит вовсе не от имени городишки, а от слова «дамаст», на языке мавров означающего «волнистый». К тому же дамасская сталь не так уж прочна и вовсе не обязательно перерубит итальянскую саблю или испанскую спадку. Доспехи крестоносцев эта сталь резала по простой причине: многие рыцари носили деревянные панцири... А мой тесак выкован кузнецом из Палестины...

— Вы были на Святой земле! — вскричал потрясенный Алвару. — Но ведь там правят басурманы!

— Пришлось носить их варварские одеяния, — печально подтвердил инквизитор. — Ведь я путешествовал с тайным заданием, и никто не должен был узнать во мне христианина. Но в один недобрый день у проклятых еретиков возникло подозрение. Они схватили меня и подвергли глупому испытанию.

Слушатели внимали ему с неподдельным интересом, и только старый капитан Оливейра несдержанно спросил:

— Какому испытанию, падре?

— Они бросают связанных подозреваемых в воду. По их еретическому разумению, преступник неизбежно утонет, а честный человек выплывет.

— Как я понимаю, вам все-таки удалось выплыть, — с обычным глубокомыслием резюмировал очевидное капитан. — Вы хорошо плаваете, дон Фернандо.

— Да, неплохо, — скромно признал рассказчик. — Но в том случае все было проще. Как вы знаете, в водах Мертвого моря не тонет даже... — Фернандо перекрестился, словно чудом удержался от произнесения непристойности, — ...даже инквизитор.

Повисла неловкая пауза. Офицеры прятали глаза, сдерживая смех. Именно в этот миг с мачты раздался крик марсового:

— Вижу галеру!

Повскакивав, офицеры проворно натягивали кирасы, застегивали ремни шлемов и перевязей с ножами. Фернандо встал с табурета и сурово напомнил:

— Женщину надо взять живой.

Сбросив сутану, он вышел на палубу — широкоплечий, мускулистый, одетый в кожаный жилет и широкие, не мешающие движениям штаны. С левого бока к его широкому поясу был пристегнут абордажный тесак — тот самый, о котором недавно говорили в каюте капитана. Справа висела короткая спада, спереди — три заполненные порохом шарообразные бомбы с торчащими наружу запальными трубками, между бомбами и ножами пристроились две кобуры для пистолетов, а возле колен были закреплены боевые ножи. Поднявшись на мостик, инквизитор дон Фернандо навел бинокль на галеру под зеленым флагом.

Застигнутый врасплох экипаж «Султание» второпях готовился к неизбежному бою. Янычары и мамлюки, похватав оружие, строились на палубе. Сигнальщики отчаянно дули в трубы, гребцы, вздрагивая под неистовыми ударами бичей, налегли на весла, матросы лезли на ванты, ставя дополнительные паруса, но корабль неверных неотвратимо настигал неуклюжую тихоходную галеру.

Звуки труб проникли в роскошную каюту на корме, разбудив смуглокожую черноволосую красотку. Лежавший рядом с ней бородатый гигант Абдулла-бей тоже открыл глаза и резким движением сел на атласных подушках, прислушиваясь к воплям зурны и надрывному стуку барабанов. Мощная рука, покрытая буграми мышц, потянулась к небрежно брошенной возле ложа одежде.

— Быстрее! — вполголоса приказала его прекрасная возлюбленная. — Враг уже близко!

Принцесса Рахмат-Гюль — распутная и воинственная внучка султана — уже натянула шаровары, обула расшитые золотом сафьяновые туфельки с загнутыми кверху носами и теперь надевала шелковую рубаху. Как известно, бурный секс выкачивает силы мужчин, но прибавляет бодрости женщинам, поэтому принцесса рвалась в бой, готовая сокрушить очередную преграду, вставшую на непростом ее пути. Едва успев завязать кушак, чтобы штаны не упали, Абдулла-бей помог ей опоясаться ятаганом. Рахмат-Гюль шагнула к выходу, затем вдруг вернулась, нашла в сундуке небольшую шкатулку, из которой достала покрытый золотой чеканкой кинжал с широким и длинным лезвием. Подкинув оружие в ладони, словно измерив вес, она сунула кинжал за пояс и выбежала на палубу.

Крохотные часы неумоимо сыпали песчинки, отмеряя последние мгновения перед артиллерийской прелюдией абордажа. Турецкие канониры суетились возле двух длинноствольных орудий, стоявших на корме галеры. Они опоздали: мушкетеры «Святого Рафаэля» дали залп, сразив нескольких пушкарей. Затем окутались дымом носовые пушки португальского фрегата, и раскаленное ядро, преодолев разделявшую корабли дистанцию, раздробило руль в мелкие дребезги щепок. Потерявшая управление «Султание» беспомощно вихляла по курсу, а фрегат неторопливо поравнялся с обреченной жертвой и ударил всеми пушками по корпусу галеры, превратив орудийную палубу в груды обломков.

«Султание» была обречена — некоторые выстрелы фрегата прошли кораблик насквозь, ядра проделали пробоины ниже ватерлинии, так что вода уже наполняла трюмы. Яростно, словно бешеная лань, сверкая глазами, Рахмат-Гюль стиснула пальцами рукоятку сабли, глядя на приближавшийся борт вражеского корабля. Десятка два самых отчаянных головорезов-кафиров перелетели с фрегата на галеру, держась за длин-

ные веревки, привязанные к верхним реям, и завязали бой с янычарами.

Внезапно принцесса вздрогнула, прошептав проклятие. Она узнала того, кто первым — да покарает его Милостивый Создатель — ворвался на галеру, безжалостно поражая верных слуг султана. Этот нечестивец, одетый в кожаный жилет и обычные матросские штаны, умело работал клинками, пробиваясь к покоям Рахмат-Гюль.

«Он пришел за мной, — догадалась внучка султана и молниеносно вынесла привычный приговор: — Он должен умереть».

В бою Фернандо преображался. На смену чопорному инквизитору приходил неистовый воин. Без сутаны он мало чем отличался от корсаров, наводивших ужас на мореплавателей Ост-Индии. Дымящийся фитиль, вплетенный в длинную косу, прибавлял сходства с океанским разбойником. Еще в полете, вцепившись одной рукой в веревку, он поджег этим фитилем запал одной из бомб и швырнул смертоносный снаряд в толпу моряков на борту вражеского корабля. Взрыв разметал защитников галеры, вселяя панику в янычарские души.

Перемахнув подобно маятнику на палубу «Султание», Фернандо отпустил веревку, одновременно выхватив из кобуры двустольный пистолет, и спустил курки. Два выстрела уложили наповал матросов, бросившихся с ятаганами в руках на инквизитора. В следующее мгновение португалец выплестал из ножен тесак со слегка изогнутым и расширявшимся к острию клинком. Эфес в виде чаши с перекрестьем был дополнен дугами, защищавшими пальцы от рубящих ударов. С тесаком в правой руке и шпагой в левой Фернандо атаковал отряд янычар.

Несколько ветеранов абордажных схваток прикрывали его с боков. Нанося мощные удары и отражая вражеские выпады, они продвинулись вдоль борта галеры. Каждый шаг приближал их к апартаментам принцессы.

Неожиданно перед инквизитором вырос Абдулла-бей — кузен и любовник воинственной развратницы Рахмат-Гюль. Клинки скрестились со звоном, посыпались искры. Ловким движением Фернандо уклонился от стремительного ятагана и сам нанес точный удар. Остро заточенный тесак перерубил плечо янычара, а клинок ятагана со свистом рассек воздух, от-

рубив всего лишь косичку португальца. Инквизитор на лету подхватил оплетенный волосами фитиль, засунул косичку за пояс, опять взмахнул тесаком и утер с лица брызги крови. Затем, переступив через обезглавленный труп и откинув тяжелый бархатный полог, он ворвался в каюту.

— Кажется, ее здесь нет, — печально резюмировал инквизитор.

Он торопливо обшарил каждый закоулок, заглянул под матрасы и подушки, выдвинул все ящики, взломал замки сундуков. Густые темные брови недовольно сдвинулись к переносице: Фернандо не нашел предмета, ради которого затеял авантюрную погоню и нападение на султанскую галеру. На глаза ему попала незапертая шкатулка. Убедившись, что украшенная жемчугами коробочка пуста, португалец равнодушно отшвырнул ее.

Вернувшись на палубу, Фернандо увидел, как фрегат подошел вплотную к «Султание». Борта кораблей столкнулись, издав громкий треск, и на полубак галеры перепрыгнули еще два десятка солдат абордажной роты под командованием неистового лейтенанта Алвару. Выстрелив из коротких мушкетов, они сразили нескольких янычар, после чего обнажили сабли, и в носовой части галеры завязалась жестокая рубка.

Внезапно Фернандо насторожился: сквозь свист набравшего силу шторма, сквозь грохот выстрелов и лязг металла чуткий слух инквизитора сумел разобрать знакомый голос. Стоявшая на мостике принцесса выкрикивала свирепый приказ:

— В бой, янычары, во имя султана и Великого Творца, убейте всех неверных! — Внезапно, увидев на палубе Фернандо, Рахмат-Гюль прокричала, показывая рукой: — Убейте вот этого негодяя!

Несколько воинов в чалмах бросились на инквизитора, но тот швырнул в них бомбу, воспламенив запал отрубленной косичкой с фитилем, и поспешно укрылся от осколков за углом деревянной надстройки. После взрыва Фернандо и двое сопровождавших его абордажников без промедления устремились вверх по трапу. На полпути португальцев встретил янычар, но Фернандо клинком тесака отразил удар ятагана и выбросил вперед левую руку. Шпага пронзила сердце, и янычар рухнул на окровавленные доски.

Штормовые волны все сильнее раскачивали потерявший управление, сильно поврежденный корабль, скользкие от крови ступеньки уходили из-под ног, однако Фернандо, уложив еще двоих противников, поднялся на мостик. Здесь его путь преградил частокол клинков в руках офицеров «Султание». Отделенная от инквизитора этим живым щитом Рахмат-Гюль сбежала по трапу с противоположной стороны мостика, тогда как офицеры двинулись на португальца.

Вплетенный в отрубленную косичку фитиль, как на грех, куда-то подевался в пылу боя, но Фернандо, кровожадно ухмыляясь, навел на врагов пистолет.левой рукой он держал перед самым дулом последнюю бомбу.

...Палец медленно давит на спусковой крючок, вделанный в курок кремень высекает искру. Сквозь ставший прозрачным металл хорошо видно, как взрывается пороховой заряд, выталкивая пулю. Ствол пистолета выбрасывает струйку пламени, клуб дыма и большую круглую пулю. Свинцовый шарик, вращаясь, летит в грудь капитана галеры, а пламя выстрела поджигает порох в запальной трубке бомбы...

Опять вернулись звуки боя. Метко брошенная бомба перебила почти всех офицеров галеры. Уцелевших инквизитор и его спутники зарубили в короткой яростной схватке. Прыгая через трупы, Фернандо устремился в погоню за принцессой. Отчаянная девчонка уже карабкалась на грот-мачту, и португалец, расхохотавшись, тоже полез вверх по вантам. Продолжая смеяться, он крикнул:

— Куда же ты, красавица? Это я, Фернандо Варгаш, мы встречались в Париже, когда ты училась в Сорбонне. Помнишь знаменитые лекции профессора Буридана?

Рахмат-Гюль ждала его на рее. Сбросив тувельки, она балансировала как заправский канатоходец, помахивая клинками, голые ступни уверенно стояли на круглом бруске. Принцесса не собиралась сдаваться без боя — в этот миг она предпочла бы погибнуть, унося с собой великую тайну, которая не должна попасть в грязные лапы неверных.

Инквизитор медленно приближался к ней, осторожно ступая по качающемуся рею. Обеими руками он устрашающе вращал клинки. Принцесса ждала на полусогнутых ногах. Напряженно прищурясь, она следила за каждым движением противника, опасного, как бешеная гюрза. Тонкие пальцы нервно дрожали на рукоятках оружия — левой рукой Рахмат-Гюль

сжимала кинжал с длинным тонким лезвием, а правой — кривую турецкую саблю «кылыч».

Сделав ложный выпад, португальский убийца легко отвел метнувшийся навстречу клинок ятагана и взмахнул спадой. Острое, как бритва неаполитанского цирюльника, лезвие разрезало тонкий шелк цветастой рубахи. Из разреза вывалилось большое и крепкое полушарие смуглой груди, украшенное аппетитным красным соском. Фернандо самодовольно расхохотался, любуясь содеянным подобно уличному художнику, маляющему портрет распутной красотки.

— Я же обещал, что вновь раздену тебя и заставлю стонать от наслаждения, — напомнил он насмешливым голосом.

Дико взыв, рассвирепевшая от унижения наследница султана потеряла на мгновение самообладание и нерасчетливо метнула кинжал. Португалец легко уклонился, и кинжал прелестной Рахмат-Гюль вонзился в дерево мачты рядом с виском охотника за сокровищами. Украшенное самоцветами оружие несколько раз вздрогнуло и замерло. Фернандо удивленно покосился на кусок металла, едва не оборвавший его жизнь, и решительно бросился в атаку, нанося тяжелые удары поочередно с обеих рук. Принцесса еле успевала отражать точные выпады опытного, безжалостного рубаки-дуэлянта. Пятясь, она оступилась, выронила кылыч и повисла, вцепившись обеими руками в грота-рей.

Фернандо сел рядом и ухватил запястье принцессы. Однако в этот миг галера резко наклонилась, а через открытые люки трюмов выплеснулся густой черный дым. Рахмат-Гюль едва не сорвалась и теперь висела на одной руке, которую держал офицер инквизиции. Раскачавшись, турчанка все-таки смогла ухватиться за рей, подтянулась и, тяжело дыша, села рядом с ухмылявшимся португальцем.

Между тем огонь, охвативший трюм «Султание», уже подкрадывался к пороховым бочкам. Люди на палубе поняли опасность, и абордажники поспешно прыгали обратно на фрегат, обрубая за собой канатные концы, соединявшие два корабля. Мощные шквалы шторма немедленно развели противников на приличное расстояние. Ветер срывал брызги с гребней волн, облака водяных капель окружили «Сао Рафаэль» по-

лупрозрачной пеленой, однако можно было разглядеть, как жестоко треплет шторм погибающую галеру.

На мостике фрегата капитан Оливейра приветствовал абордажника и осведомился:

— Как успехи нашего друга инквизитора?

— Простите, дон Гомеш, — насторожился лейтенант Алвару, — разве дон Фернандо не вернулся? Признаюсь, в последний раз я видел его довольно давно — он убивал кого-то на мостике...

Помянув богоматерь, святых угодников и морского дьявола, капитан навел подозрную трубу на «Султание». Из люков рвались огненные языки, ветер кидал галеру с борта на борт, так что порой мачты почти прикасались верхушками к бушующим волнам. А на нижнем рее грот-мачты чудом стояли, обнимая балку стеньги, две фигурки — мужская и женская. Несмотря на ужасную видимость, Оливейра почти не сомневался, что мужчина на мачте — это Фернандо Варгаш. Кажется, сегодня злая смерть все же достигнет дерзкого искателя жестоких приключений.

— Прости нас... — прошептал капитан, перекрестился и поднес к губам серебряное распятие.

Огонь, словно ждавший этого момента, добрался до пороха. Вопли ужаса взметнулись над португальским фрегатом, когда «Султание» с грохотом превратилась в пламя и потоки разлетавшихся в разные стороны обломков. Ветер развеял облако дыма, и взорам предстали ревущие волны — словно никогда не было там никакого корабля.

— Рифы! — закричал впередсмотрящий матрос.

— Лево на борт! — скомандовал капитан Оливейра.

Корпус фрегата промчался буквально в нескольких дюймах от острых камней. Матросы проворно меняли паруса, корабль сражался со штормом, но ветер уносил «Сао Рафаэля» все дальше от места сражения.

Среди волн грозно мелькали треугольные плавники акул — целая стая морских хищниц собралась на людоедское пиршество, привлеченная запахом крови.

Сокрушенно покачивая головой, Алвару произнес печальным голосом:

— Бедняга Фернандо, какая ужасная смерть — быть разорванным на куски, которые сожрут эти ненасытные твари.

— Мы помолимся за его душу, когда вернемся в Лиссабон, — мрачно откликнулся капитан Оливейра.

Переваливаясь с борта на борт и с носа на корму, фрегат прорывался сквозь ураган, пытаясь держать курс норд-вест.

Когда взрыв галеры отломил и отбросил мачту, Фернандо и Рахмат-Гюль каким-то чудом удержались на обломке. Долго и отчаянно мужчина и женщина отбивались от акул, насмерть зарубив отвратительную прожорливую рыбину. Другие акулы немедленно набросились на убитую и рвали куски ужасными зубами. Ветер унес кусок мачты прочь от этого места, и морские хищники не стали преследовать двух живых людей — им вполне хватало плававших в море трупов.

Несколько часов волны носили обрубок дерева. Два измученных человека в промокших одеждах яростно сражались с неугомонной стихией. Наконец, в духоте южного вечера, Фернандо и принцессу выбросило на крохотный остров. Напрягая последние силы, они отползли подальше от кромки берега — в безопасное место посредине клочка суши.

Принцесса тихо стонала и, понемногу приходя в себя, проклинала португальца, чья безумная гордыня, помноженная на профессиональное коварство, привела их обоих в эту гиблую западню. Она страдала от голода и холода, поэтому с каждой минутой злилась все сильнее, превращаясь в настоящую фурию.

— Ты и только ты виноват во всем! — выкрикивала Рахмат-Гюль. — Глупец, ты выдумал тайну, за которой охотишься много лет. Сколько крови пролил ты, пытаясь поймать ускользающий мираж?!

Фернандо сел рядом с ней, посмотрел в глаза, и принцесса быстро отвела взгляд. Покачав головой, португалец закутал ее в свой кожаный жилет и проговорил уверенно:

— Ты не сможешь меня обмануть, это — вовсе не выдумка и не мираж. Ты ведешь род от знаменитого морехода Пири-реиса, двести лет назад ваш предок нарисовал дьявольскую карту, на которую нанесены неведомые берега. В вашей семье должна сохраниться легенда про демона, рассказавшего старому адмиралу об этих землях!

— Никакой карты нет! — опустив голову, прошептала принцесса. — А если бы даже была, я все равно не раскрыла бы тебе тайну.

— Скажешь! — прорычал он, приставив к ее горлу острие тесака.

— Не скажу! — Принцесса гордо вскинула голову, сверкая бешеными глазами. — Я ничего не скажу тебе, даже если ты меня убьешь!

Улыбаясь, инквизитор убрал оружие в ножны и произнес — мягко и негромко, словно читал проповедь:

— Если женщина так решительно говорит «нет» — это значит, что она готова сказать «да».

— Ты не знаешь, как умеют молча умирать женщины султанского рода! — презрительно бросила Рахмат-Гюль.

Не соизволив ответить на глупую бравладу, Фернандо встал, отряхнул песок и отправился бродить по острову. Принцесса провожала его пристальным взглядом, в котором ненависть постепенно уступала место надежде.

Островок был невелик, инквизитор измерил его шагами задолго до наступления темноты. На отмели, на которую накатывались слабеющие волны затухавшего шторма, Фернандо обнаружил полузанесенную песком лодку. Единственным пассажиром утлого суденышка был человеческий скелет с перекинутым через плечо ремнем вместительной сумки.

Вернувшись к принцессе с добычей, португалец достал из сумки две непочатые бутылки британского джина. Казалось, целая вечность минула с того часа, когда они с офицерами фрегата обсуждали достоинства крепкого пойла разных народов.

— Держи, — он протянул одну бутылку принцессе. — Напиток не из лучших, но здесь нет ничего другого, чтобы утолить жажду и голод.

Первый глоток принцесса сделала с откровенной гримасой отвращения, затем отхлебнула еще. Фернандо потихоньку глотал согревающую микстуру, терпеливо выжидая, когда алкоголь развяжет язык его пленнице. Инквизитор хорошо знал, что Рахмат-Гюль быстро пьянеет и легко теряет голову.

Однако добрая порция джина произвела неожиданный побочный эффект — захмелевшую принцессу потянуло на нежности. Она глупо захихикала, подползла поближе к Фернандо, погладила ладошкой рельефные мышцы его груди. Затем порывисто скинула его жилет и прижалась всем телом.

Спустя некоторое время над пляжем разнесся жуткий крик, полный смертельного отчаяния:

— О ужас, я отдалась необрезанному кафиру!

Фернандо проговорил посмеиваясь:

— Неужели в Париже ты не заметила этой моей особенности?

— В тот раз я выпила гораздо больше... — убитым голосом откликнулась Рахмат-Гюль.

Ухмыляясь, Фернандо подошел к обломку мачты, на котором они добрались до острова. Надо было развести костер, и он, обнажив тесак, принялся рубить на дрова прочную древесину мачты. Почему-то внимание португальца привлек торчащий из бревна кинжал, который принцесса метнула в него во время дуэли на реке. Офицер инквизиции с усилием выдернул клинок, подкинул в ладони, прицениваясь, за сколько песо можно продать кинжал барыге в Фамагусте. Вдруг усыпанная драгоценностями рукоятка начала отвинчиваться, и Фернандо вытащил из тайника свернутый в трубку лист пергамента с картой.

Отъезд. Панорама бескрайнего моря с островком на фоне заходящего солнца. Поперек изображения появилась надпись: «Конец 500-й серии».

После паузы грянули аплодисменты. Маэстро раскланялся, поцеловал ручку молоденькой исполнительнице роли принцессы, пожал мужественную ладонь элегантному мачо, который сыграл инквизитора.

— Остались мелочи, которые доснимем завтра в студии, — провозгласил режиссер. — Считаю, что сезон отработали малой кровью.

Он распустил группу, предложив собраться вечером в том самом ресторанчике на южном склоне.

Народ шумно покидал просмотровый зал. Андрей никуда не спешил, поэтому просто подвинулся, освобождая проход стаду мчавшихся в паб ассистентов режиссера, оператора, звукоинженера и прочего вспомогательного персонала. Молодняк припустил с места в карьер таким галопом, словно пиво могло кончиться и на всех не хватит.

Лениво поднявшись, Андрей подошел к режиссеру и, подмигнув восходящей звездочке Розетте Десмонд, поинтересовался:

— А кто будет моей партнершей в интимной сцене — Розетта или спортсменка?

Маэстро Жозеф Паккарди желчно проинформировал его:

— Розетта. Но ее партнером будет главный герой, а не ты.

— Мир устроен несправедливо, — вздохнул Андрей.

Девчонка, хлебнувшая отравленного вина популярности, ехидно пропела:

— Ты можешь прорепетировать эту сцену с моей дублершей. Или боишься не справиться?

Когда снимали последние эпизоды, Андрей подменял исполнителя главной роли в боевых сценах с прыжками и фехтованием. Поскольку юная звезда так и не научилась правильно держать саблю, в тех же сценах вместо нее снималась неплохая спортсменка, мастер спорта по военному многоборью.

— Чего мне бояться? — Андрей изобразил удивление. — В ней нет ничего страшного. Кроме лица и характера.

Презрительно фыркнув, актриса изящно села в роскошный лимузин и немедленно взлетела, не пристегнув сбруи безопасности и даже не закрыв дверцы. Что поделывать, для таких, как она, законы не писаны. Если даже остановит регулировщик, то немедленно, увидев ангельскую мордашку, растает и примется выклянчивать автографы для всей семьи, начальников и друзей.

У маэстро Жозефа тачка была не менее крутая, но знаменитый режиссер бравировал демократичностью, а потому имел привычку пройти пешком. Благо любимая харчевня располагалась в четырех кварталах от студии.

— Не желаешь перекусить? — осведомился Паккарди.

— Пожалуй... — Андрей вдруг сообразил, что утром толком не позавтракал, а потом они просмотрели готовые куски восьми серий. — Перекусить — это мягко сказано.

Своего консультанта-историка режиссер ценил. Дразнил порой, часто приходил в ярость от неуместных, по его мнению, замечаний, однако в конце концов прислушивался к рекомендациям. Так, они со сценаристом упорно требовали назвать королевский фрегат «Сан Рафаэль». Андрею стоило немалых усилий убедить их, что «сан» — это «святой» по-испански, а название португальского корабля должно начинаться

португальским же словом «сао». Сценарист проклял день, когда ему пришла шиза сделать главных героев португальцами, но переигрывать было поздно, поэтому согласился изменить название.

Чтобы зрителю было понятнее, авторы по совету консультанта добавляли в сценарий диалоги персонажей о причинах Конкисты и Реконкисты, о средневековых обычаях, одежде, путешествиях и оружии. Андрея такие вставки в текст только радовали: зритель нынче туповат и невежествен, все сведения об истории получает исключительно из сериалов — так пусть же усваивает с экрана полезную информацию, глупее не станет...

Режиссеру и консультанту пришлось потрудиться, проталкиваясь через толпу, штурмовавшую Бернардо Штильмарка, которого в абордажных сценах подменял Андрей. Нестареющий герой мыльных опер, слащаво улыбаясь, раздавал автографы восторженным поклонницам. Фотокарандаш оставлял нестираемые росчерки на голографических открытках.

Псевдокитайское заведение «Самшитовый дракон» даже под пыткой не стало бы хвастать избытком посетителей. Великий режиссер направился прямым курсом к стенду, где прислуга разложила суши, тогда как обреченный на безвестность консультант прогулялся вдоль другого стеллажа. Здесь были выставлены всевозможные горячие блюда. Андрей налил себе чашку острой похлебки из грибов, креветок и непонятных растений. На второе он набрал тарелку жареной картошки, кусочков птицы в пряном соусе и говядину с перчиками.

Пока они морили своих червячков, крупногабаритная трехмерность видеокomплекса рассказывала последние новости. Ломандар, по обыкновению, грозил проекциями миротворческой силы, политики 7-й Республики выражали опасения по поводу возрождения вооруженных сил Кьелтарогга, тогда как Оххо-Яшир, Валдадних и Даласули требовали покаяний от Мрагвенда. Кроме того, все вместе обвиняли Солнечную Державу в тайной подготовке к агрессии, заверяя, что не оставят малые страны без защиты в случае неправомысленных действий земных экспансионистов. После новостей политики хлынули сообщения о спорте.

Поморщившись, режиссер пробормотал:

— У них остроумная логика. Раз нет сведений о том, что Земля готовится к войне, — значит, Земля *тайно* готовится к войне... Как ты думаешь, будет война?

— Не хотелось бы, — вздохнул Андрей. — Пока угрозы вроде бы нет. Обычная болтовня политиков-идиотов.

— В тот раз тоже никто не видел угрозы, — мрачно двигая бровями, сказал Жозеф Паккарди. — А потом появился Кордо, и началось внезапно.

Маэстро пересказывал самую примитивную, принятую на вооружение «желтой прессы» версию начала 9-й Галактической войны. Андрей, писавший дипломную работу по Кордо Ваглайчу, мог бы рассказать, что причины войны вовсе не так однозначны. Однако у него не было настроения читать лекцию, в которую режиссер наверняка не поверит и станет кричать: дескать, я сам читал и в кино видел, как оно случилось... Поэтому историк успокоил взволнованного маэстро доходчивым доводом:

— Нового Кордо на политическом горизонте не видно... Предлагаю взять кексы и чай.

Выпечку в «Самшитовом драконе» делали невероятно вкусную, а бирюзовый чай с имперской планеты Звуог заваривали крепкий и ароматный. На некоторое время Паккарди забыл о тревогах, приходящих из-за гламурных пределов шоу-бизнеса, но потом вновь забеспокоился и спросил:

— Ну объясни мне, что за разговоры о космическом излучении?

В последнее время в средствах массовой идиотизации валом повалили пугающие публикации про страшный космический процесс: вроде бы внезапно изменилась поляризация реликтового излучения. По мнению озабоченных ведущих зомбоящика, может произойти фазовый переход «темной материи», начнутся выбросы квантованных гиперонов, и получится что-то пострашнее гиперонной бомбы.

Пожав плечами, Андрей ответил по-прежнему равнодушно:

— Ничего не могу сказать, шеф. Я не специалист... А что снимаем на следующей неделе?

— Отдыхай, — уныло разрешил маэстро. — Наша работа пока закончена. Сценарист, который делает авантюрно-морскую часть сюжета, намылился в творческое путешествие. Теперь там за главных остались тетки, будут слюнявить любовные сцены в шикарных интерьерах, дуэли на шпагах, корриду и тому подобные развлечения для домохозяек и детворы. Тетки с весны над

этим пашут — серий тридцать уже готовы. Через недельку-другую Джо скинет нам наброски второй половины сезона.

— А карту для турецкого адмирала инопланетяне нарисовали? И какие именно инопланетяне?

— Никогда не думал о таких пустяках, — признался режиссер. — Знаю только, что нашу команду снова призовут серий через полста, когда начнется драка за главное сокровище ислама — гигантский рубин Огненная Богиня. На одной из граней камня вырезаны таинственные письмена, которые...

— Какая на хрен богиня! — взорвался Андрей. — У мусульман не могло быть никаких богинь. Нет бога, кроме Аллаха.

— Может, языческое название? — предположил Паккарди, смакуя кекс. — Какие-нибудь нубийцы назвали булыжник «богиней», а потом воины джихада отобрали и подарили падишаху. И с тех пор каждый владелец рубина умирает мучительной смертью...

— Замечательно, ничего не имею против. — Андрей отмахнулся. — Только в языках магометан не могло быть самого слова «богиня». Забрав камень у нубийцев, мусульмане должны были дать ему новое имя.

Маэстро тяжело вздохнул: ему не хотелось беспокоить другого великого гения, но профессионализм требовал соблюдать хотя бы минимальное подобие исторической правды — для столь возвышенной цели режиссер и нанял в съемочную группу консультанта. В глубокой задумчивости он опять наполнил чашечку бирюзовым отваром, добавил по ложечке малинового и розового варенья, размешал, отпробовал, опять вздохнул, позвонил автору сценария и стал объяснять суть внезапно возникшей проблемы.

Сценарист не опускался до мелочей, включая проработку сюжета и диалогов. Джованни Квиринелли считался гроссмейстером закрученной интриги — он планировал сюжет видеошоу на сотню серий вперед. Остальное варганилось методом семейного подряда: команду поточной штамповки сценариев составляли сам Джо, его супруга и трое детишек старшего послешкольного возраста. Самые унылые эпизоды, где не происходило ничего важного, писали две немолодые графоманши — пресловутые «тетки».

После недолгого разговора Паккарди, прикрыв ладонью видеофон, шепотом сообщил:

— Рубин будет называться Глаз Иблиса. Устраивает?

— Вполне. Про карту спроси.

Наградив неугомонного сотрудника испепеляющим взглядом, Паккарди убрал руку с микрофона и объектива, вернул голосу добродушно-почтительную интонацию и непринужденно продолжил:

— Здесь наш консультант-историк Андрияша Машукевич, ты должен его помнить... Ну да, вредина, зануда и буквоед, он самый. Парнишка интересуется, какие именно инопланетяне подкинули карту... Карту рейса, то есть адмирала турецкого... О кей, переключаю.

Забренчал мобильник в нагрудном кармане Андрея. «Контакт», — мысленно скомандовал вредный занудливый консультант. Перед ним развернулось трехмерное изображение сценариста, и знакомый голос проскрипел:

— Я еще не думал об этом. Какие имеются идеи?

— Известно, что примерно в те времена Солнечную систему посещали корабли пяти разных цивилизаций. Три из этих рас погибли в развлекухе, которую мы называем Пятой Галактической войной, от них даже подробных хроник не осталось. Кроме того, около двух тысяч лет назад на Земле побывала экспедиция деградировавшей расы, название которой нельзя выговаривать, а примерно тысячу триста лет назад заглядывали рагвены. Я бы посоветовал повесить карту Пири-рейса на какую-нибудь погибшую расу, тогда можно будет врать все, что угодно, никто не проверит.

— Так и сделаем, — обрадовался сценарист. — Пришли мне свои соображения... И вот еще: у меня рождается замысел супершоу по главным эпизодам Четвертой мировой войны в двадцать первом веке. Надо будет встретиться. Посидим в хорошем ресторане, и ты коротенько расскажешь, что там происходило. Идет?

— Расскажу. — Голос Андрея не дрогнул, и хохот удалось погасить в зародыше. — Обязательно. И вам всего доброго.

Надо же — коротенько рассказать про Четвертую мировую! Интересно, какую из дюжины версий согласится принять этот придурок... Хотя давно стоило бы показать годы, когда человечество поспешило радоваться избавлению от ядерного оружия. Комплексы сверхточного поражения, орбитальные лазеры, боевые роботы, эластичная взрывчатка и другие чудеса технологий решали проблему лишнего человека ничуть не менее эффективно. Разве что радиацией поверхность почти не загряз-

няли. Но что касается политической стороны дела... Андрей даже содрогнулся.

Только все равно придется освежить в памяти события четырехвековой давности. У профессора Фролова были публикации по проблемам той войны и послевоенных процессов. Надо будет пролистать, чтобы не попасть впросак во время разговора...

— Договорились? — без малейших признаков интереса спросил маэстро Жозеф. — Готов поручиться, что наш гений вынашивает новую сногшибательную идею.

Мотнув головой, Андрей признался:

— Иногда хочется участвовать в создании героической саги без войны и массовых убийств. Чем плоха, к примеру, хроника первого полета к Юпитеру? На Земле заканчивалась нефть, и международная экспедиция начала строительство завода по переработке атмосферы в промышленные углеводороды. Можно было бы снять очень зрелищные эпизоды урагана, который едва не перемолол этот завод...

Жозеф подумал и ответил с брезгливой гримасой:

— Скучно, не вижу действия, нет интриги. Потянет на короткую мелодраму, не больше двух десятков серий.

— Это и есть настоящее искусство, элитарное кино для интеллектуалов. Мы покажем драму идей — там ведь столкнулись интересы разных...

— Никто не даст денег, — перебил его режиссер, но тут же продолжил задумчиво: — Разве что корпорация «Стар энергетик», это ведь их заводы...

Андрей подхватил:

— Мы можем провести как познавательный фильм для школьников. Сорвем бабло с министерства просвещения — они всегда хорошо платят.

На сей раз маэстро думал дольше обычного, выпив за время размышлений две чашки. Обнаружив, что чайник пуст, он провозгласил вердикт:

— Обсудим эту тему, если сумеем найти спонсора. А пока готовься к серьезному проекту. Сам Стивен Бельгарбо собирается ставить военно-морскую эпопею. Ключевой момент — разгром Непобедимой армады. Я представляю себе — испанский флот окружил англичан у Трафальгара и сильно помял, но тут на испанских кораблях восстали рабы — это будет мочиловно на пару серий. А потом адмирал Нельсон вырвется из окружения и причешет испанцев.

— Не было там рабов, — устало поведал Андрей. — К тому же Дрейк вместо Нельсона. И не Трафальгар вовсе. И... ладно, не обращай внимания на мелочи.

Паккарди прищурился на него и ехидно поинтересовался:

— Тебе часто советовали не умничать?

— В последнее время стараюсь не давать повода. А что?

— Ты достал со своими историческими подробностями. Никому твоя правда истории не нужна. Зритель истории не знает, зритель понятия не имеет, как там было на самом деле шестьсот лет назад. Зритель в лучшем случае слышал имена некоторых деятелей вроде Нельсона, Чингисхана, Джека-Потрошителя или Петра Великого.

— Историки тоже не знают истории, — успокоил режиссера Андрей.

— Тем более! А если ты такой умный, то иди в свою Академию наук и пиши книгу.

Режиссер громко засмеялся своей шутке, но притих, услышав ответ:

— Так и собираюсь...

— Ты на что намекаешь? — испуганно переспросил Паккарди. — Может, посоветовать хорошего доктора?

— Скоро сам доктором стану. — Андрей засмеялся. — В двух словах: я решил все-таки поступить в аспирантуру. Один профессор согласился стать моим научным руководителем. Раз у нас окно в работе — слетаю к нему, возьму на бордаж, договорюсь о деталях.

Сожалеючи поглядев на консультанта съемочной группы, маэстро покрутил пальцем у виска. Последовала неизбежная нотация — долгая и грустная: дескать, глупо менять обеспеченную и беспечную жизнь в шоу-бизнесе на скучное тягание грошовой лямки при университетской кафедре. Андрей не обиделся и даже не удивился. Иной реакции он не ждал.

Глава 2 ХРАМ ПОЗНАНИЯ

Нормальные люди живут в своих квартирах, отдыхать же летают на разные шикарные курорты. Работа на студию видеофильмов сделала жизнь Андрея Машукевича кочевой и беспорядочной. Капризы съемочных графиков мотали его по раз-

ным экзотическим местам, а дома он лишь отдыхал в перерывах между творческими процессами.

Квартирка на 32-м этаже сорокапятиэтажного здания была не слишком велика — спальня, столовая, небольшой кабинет, кухонный блок и санузел. В так называемом кабинете стояли стеллажи с книгами и малый — только для ручной обработки информации — терминал. Сегодня Андрей не собирался набирать тексты или редактировать видеофайлы, а читать и в столовой можно. Поэтому, проснувшись пораньше — незадолго до полудня — и постояв под контрастным душем, он развалился на имитирующем траву ковролите, прислонился к дивану, велел домашнему роботу подать завтрак и включил новости.

Посмотрев и послушав обрывки сообщений по нескольким каналам, Андрей утвердился в давнем убеждении, что передачи новостей имеют много общего с видеосериалами. И то и другое можно не смотреть хоть целую неделю, а потом включить — и словно ничего не пропустил. Зомбоящик назойливо повторял ужасы галактических закоулков, где исчезали звездолеты, разгорались сражения между никому не ведомыми планетами, президенты подписывали пакты, губернаторы страдали коррупцией, мужественные оппозиционеры разоблачали нарушителей демократии, а коварная Земля в глубокой тайне планировала аннексию неупомянутых секторов Вселенной.

Вообще, послушать отечественные каналы — так все беды в этом мире связаны с существованием человеческой расы. Казалось, уничтожить это подлое племя приматов — и все вздохнут с облегчением. Даже те, кто вообще не дышит.

Вот и сегодня по каналу «Индепендент Ньюс» гнал туфту штатный ведущий доктор непонятных наук Адольф Сваниховский. Ни в политике, ни в истории сей деятель не разбирался, многократно был уличен во лжи и подтасовке фактов, однако в кресле сидел прочно. Несколько раз он устраивал шумные разоблачения, стоимшие карьеры видным политикам. Вероятно, Сваниховским из-за невидимых кулис управляли влиятельные силы. В последние месяцы знатный фальсификатор непрерывно рассказывал ужасы о популярных правителях прошлого и подбирался к веку двадцать пятому — была анонсирована серия передач о преступлениях, якобы совершенных Порфирием Енисейским. Сегодня Сва-

ниховский, не размениваясь на мелочи, рассказывал о преступности всей земной расы.

— Ни для кого не секрет, — экспансивно вещал доктор наук, — что из всех цивилизаций, существующих в нашей части Галактики, самой агрессивной является именно человечество. Вот простенький пример: за предшествующие два тысячелетия случилось всего три общегалактические войны, причем последняя из них, Шестая, закончилась более тысячи лет назад. Но стоило землянам освоить межзвездные путешествия, как наши преступные владыки развязали три Галактические войны всего за двести лет. Разумеется, цивилизованные расы обеспокоены и внимательно следят за подозрительными приготовлениями земного режима. Налицо все улики, что нелегитимная власть, добившаяся хрупкого парламентского большинства с помощью подтасовок на выборах, готовит аннексию...

Разозлившись, Андрей переключился на музыкальный канал. Пускают же таких идиотов в информационный поток! Каким надо быть бараном, чтобы поверить, будто двести сорок лет назад Земля, имевшая всего три межзвездных корабля — невооруженных исследовательских лайнеров дальней разведки, — могла развязать Седьмую Галактическую... А ведь поверят, подумал он печально. Потому что было несколько мильных опер по мотивам комиксов о героических подвигах Звездного Рейдера и Лауры Эленбоген из бригады марсианских амазонок!

Продолжая тихо беситься, Андрей дожевал омлет и поиграл пультом, выбрав сравнительно объективную ленту новостей с патриотическим уклоном. По нижнему краю изображения скользила бегущая строка с анонсами, а в центре голограммы стреляли большие станковые бластеры. Нетрудно было узнать знаменитые документальные кадры — огневая подготовка перед штурмом крепости мятежных сепаратистов. Год 2274-й, система Тау Кита, планета Парнас, континент Эрида.

Громадные лучеметы Эндерсона с их импульсами в четверть мегатонны казались неуклюжим и примитивным оружием. Сегодня такую концентрацию разрушения и смерти научились втискивать в машины куда меньших размеров, о дизайне и говорить нечего. Но президент Джангархан не располагал ничем лучшим, когда повисла на волоске судьба человеческой расы,

разбросанной в системах шести звезд. За неделю до выборов старый тигр в последний раз лязгнул клыками, стерев с лица Вселенной готовый лопнуть нарыв.

Пошли знакомые с детства кадры: десантные космолеты садятся на горящую планету, по трапам сползают громоздкие «гекатонхейры». Только машины — ни одного человека в броне, потому что после обстрела пушками «Энди-М» даже тяжелые танки были плохой защитой для экипажей. Тем не менее пять тысяч гвардейцев на двухстах машинах прорвались через зону тотального поражения и продолжили накаты бункера, в котором надеялись отсидеться вожди повстанцев.

Вот уже третий век историки ломают копья, пытаясь объяснить, что совершил Рамзес Джангархан — подвиг или преступление. Политики, исследователи, публицисты жонглируют многозначными цифрами потерь. Хотя, казалось бы, понятно: если бы сепаратисты запустили свои боеголовки, то число смертей выросло бы на порядки.

Хорошо специалистам в области точных наук, печально подумал Андрей. Математик или физик напишут формулу, докажут теорему — и все понятно, закон природы, никаких иных толкований быть не может. А в истории, как и в других гуманитарных лженауках, даже достоверно установленные факты опровергаются каждым кому не лень. Про толкование крупных событий вообще говорить страшно: собственное оригинальное мнение имеют абсолютно все, в том числе — извините за непристойность — журналисты... Ну вот, нечистая сила легка на помине: на голограмме появился живой журналист.

Суровый диктор, одетый в ретростиле «вторая четверть века экспансии», задушевно рассказывал о вице-президентском турне по не слишком дружественным странам. Вице-президент Дино Кальмар пользовался популярностью как мастер афоризмов. Ему принадлежало, в частности, высказывание: «Президент — это главный политик, а вице-президент — главный чиновник». После нескольких общих фраз начался видеорепортаж о пресс-конференции. Заместитель главы сверхдержавы, хитрющий лис, занимавший в предыдущем кабинете пост советника по дипломатии, ушел в глухую оборону, но держался прочно:

— Мне даже неудобно опровергать глупые выдумки о разработке гиперонного оружия. В условиях, когда наша армия воо-

ружена гиперкоконами, грязные и ненадежные гиперонные боеголовки потеряли значение. Что же касается поднятой блогерами шумихи про выбросы «темной материи», то мы имеем дело с некомпетентными домыслами малограмотных и безответственных существ, которых трудно назвать разумными. Видные научные авторитеты разных стран и народов неоднократно опровергали сенсационные рассуждения об аномальной поляризации реликтового излучения.

В гиперфизике он разбирался навряд ли лучше, чем Андрей, но говорить умел — чувствовалась старая школа. Тем не менее настал момент, когда вице-президент Кальмар, казалось бы, оказался прижат к стенке и не имел иного выхода, кроме как отвечать однозначно. Подумав такую несурзность, Андрей явно недооценил старую школу.

Членистоногий корреспондент информационного агентства 7-й Республики спросил в лоб:

— Готовы ли земные власти допустить международных инспекторов на промышленные объекты в звездных скоплениях, где происходят выбросы «темной материи»?

На лице Дино Кальмара появилась вежливая скучающая улыбка. Спокойным, без эмоций, голосом вице-президент произнес:

— Мы допустим инспекцию на следующий день после того, как наша комиссия обследует ваши добывающие комплексы в скоплении Хваур и орбитальные города планеты Бсархад.

Ого! Андрей проснулся окончательно. Бсархад был столицей Таримкли Ломди Сохал — Союзных Звездных Скоплений, самой мощной сверхдержавы в радиусе трех тысяч световых лет. Дино Кальмар наверняка ответил домашней заготовкой — столь опытный политик никак не мог отважиться на подобный экспромт. Надо ли понимать, что Земля приняла решение не уступать давлению?

Между тем право задавать вопросы получило существо, немного похожее на человека. Женщина-тарог, журналист издания «Ежедневные народные известия», вежливо поинтересовалась:

— Как ваше правительство относится к усилиям некоторых крупных держав, помогающих восстановить военную мощь Кьелтарогга? Ведь известно, что некоторые политики и целые народы с недоверием относятся к тарогам...

Оставаясь — по крайней мере внешне — невозмутимым, землянин напомнил о традиционной политике Красной Башни поддерживать добрососедские отношения со всеми государствами, расами и политическими системами. Земля и Кьелтарогга были дружественными державами на протяжении столетий, люди не забыли помощи тарогов в тяжелейшие дни 7-й Галактической войны. Несмотря на отдельные моменты, омрачавшие наши отношения в отдельные периоды, человечество питает к народам Кьелтарогга самые теплые чувства и не видит причин для беспокойств, а тем более — для вмешательства во внутренние дела страны, не имеющей общих границ с Мирами Солнца. В то же время верное курсу на всеобщее разрушение правительство Союза Солнечных Миров выражает недоумение причинами быстрого наращивания военного потенциала Кьелтарогга, каковой процесс осуществляется при поддержке некоторых великих держав вопреки известным международным договорам.

Вице-президент поблагодарил хищную стаю стервятников массовой дезинформации, но его не отпустили. Съёмочная группа трансгалактического концерна с непереводаемым названием «Прусло Кром» потребовала ответить, намерены ли правители Земли осудить преступления своих предшественников.

У Андрея неприятно засосало в районе диафрагмы — подобной демагогией Землю доставали уже давно. Вероятно, готовилась новая идеологическая атака. Вот-вот по всем каналам начнется истерика, что люди плохие, нарушают права нечеловека, а потому надо применить к ним разные санкции миротворчества, вплоть до полного истребления.

Однако бывалый политический боец Дино Кальмар спокойно парировал: дескать, вопрос о преступлениях столетней давности весьма сложен, причем подобные претензии можно предъявить многим странам или частным корпорациям, обвиняемым в ксеноциде различных этносов. Он явно собирался перечислить обвиняемых в подобных преступлениях, однако ведущий поспешно закрыл пресс-конференцию.

Можно было не сомневаться: в ближайшие часы информационные сети наполнятся десятками комментариев о необычайно резкой лексике главного чиновника человечества. К тому же Кальмар ни слова не обронил о биологической близости тарогов — приматов-гуманоидов — к людям земно-

го типа. Диафрагма защемила сильнее: подступило нехорошее предчувствие, что где-то заработали могущественные силы, направляющие поток событий к новой большой войне. Примерно так же начиналась 7-я Галактическая: динозавровую расу, чье самоназвание человеческая гортань воспроизвести не способна, два года подряд обвиняли в подготовке агрессии, а потом навалились всем миром. Кажется, теперь похожий сценарий решили разыграть против Солнечной Державы.

Полный нехороших предчувствий, Андрей собрался переключиться на развлекательный канал, но вдруг увидел среди анонсов знакомое имя. Прикосновение пальца к голографической иконке развернуло сообщение, и он с интересом прочитал, что в архивах 7-й Республики найдено досье на Кордо Ваглайча. Рука потянулась к метке «Смотреть полностью», но тут послышался страдальческий стон.

В гостиную враскорячку приковыляла девица, которую Андрей обнаружил в своей кровати, проснувшись час назад. Блеклая, плоская, с короткой стрижкой — не поймешь, то ли накануне была хорошо накрашена, то ли выпили много больше допустимого.

— Ты кто? — спросила она, морщась.

— Сам хочу тебя о том же спросить, — поделился сокровенным Андрей.

После повторного стенания она поинтересовалась, где можно подлечиться. Услышав про холодильник, незнакомка сделала удивленное лицо. Чтобы не продолжать грозивших затянуться объяснений, Андрей сам сходил на кухню, нашел банку пива и на всякий случай сам ее открыл. Девка в два глотка высосала пол-литра баварского, пусть даже местного розлива, бальзама, после чего в ее зрительных органах появилось осмысленное выражение.

— Так ты режиссер или сценарист? — деловито осведомилась она.

Как и следовало догадаться, случайная партнерша принадлежала к племени «златоискательниц». Неисчислимые стаи хищниц ежевечерне заступали на вахту в злчных местах, где тусовались топ-менеджеры, бизнесмены, звезды шоу-мира и прочие завидные женихи. Изредка наиболее удачливые выхо-

дили замуж, остальные же выходили в тираж. Этой особи ничего хорошего не светило, хотя наш идиотский мир щедр на чудеса.

От греха подальше Андрей задействовал безотказную тактику, при помощи которой не раз избавлялся от подобных искалеченных приключений.

— Не, я любовник режиссера, — признался он с виноватым видом. — Сам не знаю, как с тобой получилось...

Разочарованно фыркнув, девица посоветовала меньше пить и уползла в ванную.

Заинтересовавший Андрея клочок информации успел исчезнуть с монитора, вытесненный непрерывным потоком новостей. Поиск по ключевым словам выдал гору мусора, но в конце концов нужное сообщение удалось найти.

Видеоряд к этому сюжету подобрали самый примитивный — даже третий ассистент Жозефа Паккарди подыскал бы что-нибудь получше. Обрывки старых видеохроник не складывались в цельную картинку. Составители передачи пустили вперемежку хрестоматийные кадры: подбитые транспортеры, термоядерные грибы над обреченными планетами, бредущие по колону в болотной жиже солдаты в бронеконструкциях разных эпох и армий, атака сверхтяжелых «бревен» типа «Рин-Веспап», разрушенная резиденция кабтейлунка. А над этими клочьями истории — сам кабтейлунк, осматривающий трофейный металлолом, принимающий парад Верной Стражи, шагающий по трапу дредноута-трансформера и, само собой, темпераментно выступающий на митинге перед миллионной толпой... Коротко говоря, халтурная режиссура, за которую надо гнать пинками под хвост.

Одно радовало — сопровождающий текст оказался в высшей степени интересным. Как выяснили исследователи, оккупационная администрация, управлявшая частью миров Федерации Кьелтарогга после 8-й Галвойны, вела тщательное наблюдение за политическими движениями даже на тех планетах, где не стояли гарнизоны победителей. Недавно историки раскопали большой массив файлов, составленных агентами Содружества. Разумеется, главное внимание разведка имперцев и республиканцев обращала на экстремистских лидеров оккупированных провинций Внешний Кьель и Валладних, но попали в круг их внимания и лидеры мелких реваншистских партий, включая Кордо Ваглайча.

Первые документы досье будущего кабтейлунка были просто скопированы из его персонального файла, найденного в департаменте личного состава капитулировавшей армии. В этих документах младший офицер К. Ваглайч характеризовался как писатель, не слишком религиозный, адепт философии «Бог есть Вселенная». Согласно довоенной полицейской справке, Кордо был патриотом миролюбивого направления, но не пацифистом: нередко выступая на митингах, он убедительно говорил о несправедливом характере назревавшей галактической бойни. В армию завербовался добровольно, как и написал позже в знаменитой книге «Не наша битва».

Сухие пункты учетных документов показывали боевой путь командира боевой машины, взвода и полуроты, тренинг на курсах офицерской переподготовки, присвоение очередных воинских званий, пребывание в госпиталях, награждение орденами и медалями. В представлениях вышестоящих командиров скупно упоминались умелые действия храброго добровольца, но доклады тайной полевой жандармерии фиксировали предосудительные беседы с младшими по званию.

В перерывах между боями Кордо продолжал разоблачать войну как схватку олигархов за богатую добычу. Агенты записали его слова: «Нам, простым тарогам, людям и ломам, эта война не нужна. Ценой наших смертей богатые станут еще богаче». Уличенный в недозволенных высказываниях, Кордо был переведен в подразделение «нирендиф» — что-то вроде штрафного батальона. После трех сражений, едва не увенчавших войну победой Кьелтарогга, горстка выживших получила высокие награды и отправлена в тыловой учебный центр, где из ветеранов формировались отборные соединения. Вот уж всем новостям новость: до сих пор Андрей ничего не слышал про такой эпизод жизни Кордо.

Агентурные сводки оккупантов были богато проиллюстрированы видеоклипами с митингов набиравшего популярность партийного вожака. Референт республиканской контрразведки отмечал, что Ваглайч нередко возвращается к своим предвоенным лозунгам о необходимости союза тарогов и людей. Он также выступал против популярного шовинистского концепта, полагавшего тарогов высшей расой, а всех остальных — низшими существами, которые пытаются уничтожить Кьелтарогга из простой биологической ненависти.

Составители информационного материала не упустили возможности поиронизировать над ограниченными полицейскими чиновниками, записавшими в досье идиотский вывод: «Интернационализм Ваглайча лишает его политическую карьеру перспективы. Безобидный болтун не представляет интереса». К числу самых опасных тарогских политиков оккупанты причислили молодого Ладуги Радвайла, который в те времена был мэром средних размеров мегаполиса, позже участвовал в заговоре против режима Кордо, загремел в концлагерь, а после 9-й Галвойны стал яростным коллаборационистом и первым президентом Конфедерации.

Само собой, Андрей скопировал этот материал в директорию, где хранились все сведения о Ваглайче. Он был готов немедленно вставить новые подробности в свою старую рукопись, однако сдержался, потому что понимал: вскоре в Сети появится полное досье — вот с ним-то и нужно будет работать. Пока же ему достались информационные обрывки в интерпретации малограмотных журналистов.

Вернувшаяся из-под душа «златоискательница» завтракать не пожелала и потребовала вызвать такси. Андрей охотно выполнил ее желание в надежде никогда больше с этой особой не встречаться. К сожалению, пришлось заплатить за отправку ненужного груза, но душевное спокойствие того стоит. Он без сожаления закрыл дверь за нечаянной гостьей: интересны лишь те женщины, которых приходится завоевывать.

Часы показывали 13:28 — скоро поезд. Андрей выкинул в мусоропровод одноразовые тарелку и вилку, затем отправил туда же пластиковый стакан, из которого выпил минеральной водички. По случаю официального приема пришлось побриться и надеть костюм с галстуком. Такси уже дожидалось у балкона. Перемахнув на заднее сиденье, он велел киберводителе гнать на вокзал.

Когда-то в древности земной континент нарекли по имени мореплавателя Америго Веспуччи. Топонимику планеты Калиюга начал формировать экипаж одноименного звездолета, прибывшего в систему Дзеты Геркулеса (она же Августа, спектральный класс G0 IV, 32 световых года от Солнца) чуть больше двух веков назад. Материк, на котором обосновался консультант Машукевич, был назван Фрейя в честь

подружки командира корабля Августа Понге, место посадки на плоскогорье в центре континента получило имя штурмана Эвридики Карлиан, а поселок на берегу громадной бухты на западном побережье второй пилот нарек Кракенбургом. Потом они придумали названия для других материков, океанов и главных горных вершин, проявив не слишком богатую фантазию, но после пятимесячного межзвездного путешествия можно простить многое.

Так, по воле первооткрывателей в предпоследний день весны монорельсовый экспресс, разогнавшись до половины скорости звука, уносил Андрея из Кракенбурга в столицу континента город Эвридика. Во избежание пьянки с попутчиком или занудного флирта с попутчицей он купил билет в одноместное купе и провел почти двухчасовое путешествие за просмотром творчества профессора Фролова.

Судя по монографиям и статьям, Максим Анисимович относился к ученому племени добросовестных компиляторов. Собственных концепций не генерировал, усердно подбирая факты, не противоречащие устоявшимся догмам. Такая позиция, весьма полезная для карьеры, могла стать опасной при внезапном изменении официальных установок. Поэтому профессор не брался за глобальные проблемы. Все работы Фролова были посвящены уточнению деталей в хорошо исследованных областях. Осторожный человек этот Фролов, даже удивительно, что с благосклонностью ответил на письмо Андрея.

Маршрутный аэробус, отловленный на привокзальной площади, за считанные минуты привез кандидата в аспиранты на станцию посреди университетского кампуса. Выстроенное в стиле средневековых замков здание истфака соседствовало с ультрамодерновым небоскребом административного корпуса. Замок оказался малонаселенным — вероятно, семестр уже закончился, студенты сдали зачеты и теперь готовились к экзаменам.

Схема размещения кафедр и аудиторий была высечена на плите темного мрамора в глубине вестибюля напротив входа. С легкой ностальгией Андрей читал полузабытые, а то и малоизвестные названия вроде кафедры искусства внеземных цивилизаций, центра изучения древних языков или лаборатории архивной эвристики и математического моделирования. Нужная ему кафедра находилась на восьмом этаже.